

**ИОСИФ
БРОДСКИЙ**

**УРАНИЯ
ПЕЙЗАЖ
С НАВОДНЕНИЕМ**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-5
Б 88

Фонд по управлению наследственным имуществом
Иосифа Бродского выражает благодарность
Алексею Гринбауму
за содействие в подготовке и осуществлении
настоящего издания.

Тексты воспроизводятся с сохранением особенностей
авторского написания и пунктуации;
в ряде случаев была учтена поздняя авторская правка.

© Фонд по управлению наследственным имуществом
Иосифа Бродского, 2024

Воспроизведение без разрешения Фонда запрещено.
По вопросам, связанным с публикацией произведений
Иосифа Бродского, обращаться по адресу:
estate@josephbrodsky.org

Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-20729-5

© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ОСЕННИЙ
КРИК
ЯСТРЕБА

* * *

Как давно я топчу, видно по каблуку.
Паутинку тоже пальцем не снять с чела.
То и приятно в громком кукареку,
что звучит как вчера.
Но и черной мысли толком не закрепить,
как на лоб упавшую косо прядь.
И уже ничего не снится, чтоб меньше быть,
реже сбываться, не засорять
времени. Нищий квартал в окне
глаз мозолит, чтоб, в свой черед,
в лицо запомнить жильца, а не
как тот считает, наоборот.
И по комнате точно шаман кружа,
я наматываю как клубок
на себя пустоту ее, чтоб душа
знала что-то, что знает Бог.

1980/1987

РАЗВИВАЯ ПЛАТОНА

I

Я хотел бы жить, Фортунатус, в городе, где река
высовывалась бы из-под моста, как из рукава —
рука,
и чтоб она впадала в залив, растопырив пальцы,
как Шопен, никому не показывавший кулака.

Чтобы там была Опера и чтоб в ней ветеран-
тенор исправно пел арию Марио по вечерам;
чтоб Тиран ему аплодировал в ложе, а я в партере
бормотал бы, сжав зубы от ненависти: «баран».

В этом городе был бы яхт-клуб и футбольный клуб.
По отсутствию дыма из кирпичных фабричных труб
я узнавал бы о наступлении воскресенья
и долго бы трясся в автобусе, мучая в жмене руб.

Я вплетал бы свой голос в общий звериный вой
там, где нога продолжает начатое головой.
Изо всех законов, изданных Хаммурапи,
самые главные — пенальти и угловой.

II

Там была бы Библиотека, и в залах ее пустых
10 я листал бы тома с таким же количеством запятых,

как количество скверных слов в ежедневной
речи,
не прорвавшихся в прозу. Ни, тем более, в стих.

Там стоял бы большой Вокзал, пострадавший
в войне,
с фасадом куда занятней, чем мир вовне.

Там при виде зеленой пальмы в витрине
авиалиний
просыпалась бы обезьяна, дремлющая во мне.

И когда зима, Фортунатус, облекает квартал в рядно,
я б скучал в Галерее, где каждое полотно
— особенно Энгра или Давида —
как родимое выглядело бы пятно.

В сумерках я следил бы в окне стада
мычащих автомобилей, снующих туда-сюда
мимо стройных нагих колонн с дорической
прической,
безмятежно белеющих на фронте Суда.

III

Там была бы эта кофейня с недурным бланманже,
где, сказав, что зачем нам двадцатый век,
если есть уже
девятнадцатый век, я бы видел, как взор коллеги
надолго сосредоточивается на вилке или ноже.

Там должна быть та улица с деревьями в два ряда,
подъезд с торсом нимфы в нише и прочая ерунда; 11

и портрет висел бы в гостиной, давая вам
представленья
о том, как хозяйка выглядела, будучи молода.

Я внимал бы ровному голосу, повествующему
о вещах,
не имеющих отношенья к ужину при свечах,
и огонь в камельке, Фортунатус, бросал бы
багровый отблеск
на зеленое платье. Но под конец зачах.

Время, текущее в отличие от воды
горизонтально от вторника до среды,
в темноте там разглаживало бы морщины
и стирало бы собственные следы.

IV

И там были бы памятники. Я бы знал имена
не только бронзовых всадников, всунувших
в стремя
истории свою ногу, но и ихних четвероногих,
учитывая отпечаток, оставленный ими на

населении города. И с присохшей к губе
сигаретою сильно за́полночь возвращаясь пешком
к себе,
как цыган по ладони, по трещинам на асфальте
я гадал бы, икая, вслух о его судьбе.

12 И когда бы меня схватили в итоге за шпионаж,
подрывную активность, бродяжничество, менаж-

а-трау, и толпа бы, беснуясь вокруг, кричала,
тыча в меня натруженными указательными:

«Не наш!» —

я бы втайне был счастлив, шепча про себя: «Смотри,
это твой шанс узнать, как выглядит изнутри

то, на что ты так долго глядел снаружи;
запоминай же подробности, восклицая

„Vive la Patrie!“».

1976

ПОСВЯЩАЕТСЯ СТУЛУ

I

Март на исходе. Радостная весть:
день удлинился. Кажется, на треть.
Глаз чувствует, что требуется вещь,
которую пристрастно рассмотреть.
Возьмем за спинку некоторый стул.
Приметы его вкратце таковы:
зажат между невидимых, но скул
пространства (что есть форма татарвы),
он что-то вроде метра в высоту
на сорок сантиметров в ширину
и сделан, как и дерево в саду,
из общей (как считалось в старину)
коричневой материи. Что сухо
сочтется камуфляжем в Царстве Духа.

II

Вещь, помещенной будучи, как в Аш-
два-О, в пространство, презирая риск,
пространство жаждет вытеснить; но ваш
глаз на полу не замечает брызг
пространства. Стул, что твой наполеон,
красуется сегодня, где вчерась.
Что было бы здесь, если бы не он?
Лишь воздух. В этом воздухе бвилась

пыль. Взгляд бы не задерживался на пылинке, но, блуждая по стене, он достигал бы вскорости окна; достигнув, устремлялся бы вовне, где нет вещей, где есть пространство, но к вам вытесненным выглядит оно.

III

На мягкий в профиль смахивая знак и «восемь», но квадратное, в анфас, стоит он в центре комнаты, столь наг, что многое притягивает глаз. Но это — только воздух. Между ног (коричневых, что важно — четырех) лишь воздух. То есть дай ему пинок, скинь все с себя — как об стену горох. Лишь воздух. Вас охватывает жуть. Вам остается, в сущности, одно: вскочив, его рывком перевернуть. Но максимум, что обнажится — дно. Фанера. Гвозди. Пыльные штыри. Товар из вашей собственной ноздри.

IV

Четверг. Сегодня стул был не у дел. Он не переместился. Ни на шаг. Никто на нем сегодня не сидел, не двигал, не набрасывал пиджак. Пространство, точно изморозь — пчелу, вещь, пользоваться коей перестал

владелец, превращает ввечеру
(пусть временно) в коричневый кристалл.
Стул напрягает весь свой силуэт.
Тепло; часы показывают шесть.
Все выглядит, как будто его нет,
тогда как он в действительности есть!
Но мало ли чем жертвуют, вчера
от завтра отличая, вечера.

V

Материя возникла из борьбы,
как явствуют преданья старины.
Мир создан был для мебели, дабы
создатель мог взглянуть со стороны
на что-нибудь, признать его чужим,
оставить без внимания вопрос
о подлинности. Названный режим
материи не обещает роз,
но гвозди. Впрочем, если бы не гвоздь,
все сразу же распалось бы, как есть,
на рейки, перекладыны. Ваш гость
не мог бы, при желании, присесть.
Составленная из частей, везде
вещь держится в итоге на гвозде.

VI

Стул состоит из чувства пустоты
плюс крашеной материи; к чему
прибавим, что пропорции просты
как тыщи отношенье к одному.

Что знаем мы о стуле, окромя
того, что было сказано в пылу
полемики? — что всеми четырьмя
стоит он, точно стол ваш, на полу?
Но стол есть плоскость, режущая грудь.
А стул ваш вертикальностью берет.
Стул может встать, чтоб лампочку ввернуть,
на стол. Но никогда наоборот.
И, вниз пыльцой, переплетенный стебель
вмиг озарит всю остальную мебель.

VII

Воскресный полдень. Комната гола.
В ней только стул. Ваш стул переживет
вас, ваши безупречные тела,
их плотно облежавший шевиот.
Он не падет от взмаха топора,
и пламенем ваш стул не удивишь.
Из бурных волн под возгласы «ура»
он выпрыгнет проворнее, чем фиш.
Он превзойдет употребленьем гимн,
язык, вид мироздания, матрас.
Расшатан, он заменится другим,
и разницы не обнаружит глаз.
Затем что — голос вещь, а не зловец —
материя конечна. Но не вещь.

Весна 1987

ШОРОХ АКАЦИИ

Летом столицы пустеют. Субботы и отпуска
уводят людей из города. По вечерам — тоска.
В любую из них спокойно можно ввести войска.
И только набравши номер одной из твоих подруг,
не уехавшей до сих пор на юг,
насторожишься, услышав хохот и волапюк,

и молча положишь трубку: город захвачен; строй
переменился: все чаще на светофорах — «Стой».
Приобретая газету, ее начинаешь с той
колонки, где «что в театрах» рассыпало
свой петит.

Ибсен тяжеловесен, А. П. Чехов претит.
Лучше пойти пройтись, нагулять аппетит.

Солнце всегда садится за телебашней. Там
и находится Запад, где выручают дам,
стреляют из револьвера и говорят «не дам»,
если попросишь денег. Там поет «ла-ди-да»,
трепеща в черных пальцах, серебряная дуда.
Бар есть окно, прорубленное туда.

Вереница бутылок выглядит как Нью-Йорк.
Это одно способно привести вас в восторг.
Единственное, что выдает Восток,
это — клинопись мыслей: любая из них — тупик,

да на банкнотах не то Магомет, не то его
горный пик,
да шелестящее на ухо жаркое «ду-ю-спик».

И когда ты потом петляешь, это — прием котла,
новые Канны, где, обдавая запахами нутра,
в ванной комнате, в четыре часа утра,
из овала над раковиной, в которой бурлит моча,
на тебя тарашится, сжав рукоять меча,
Завоеватель, старающийся выговорить «ча-ча-ча».

1974–1975

* * *

Восходящее желтое солнце следит косыми
глазами за мачтами голой рощи,
идущей на всех парах к цусиме
крещенских морозов. Февраль короче
прочих месяцев и оттого лютее.
Кругосветное плавание, дорогая,
лучше кончить, руку согнув в локте и
вместе с дредноутом догорая
в недрах камина. Забудь цусиму!
Только огонь понимает зиму.
Золотистые лошади без уздечек
масть в дымоходе меняют на масть воронью.
И в потемках стрекочет огромный нагой
кузнечик,
которого не накрыть ладонью.

(1978)

ШВЕДСКАЯ МУЗЫКА

К. Х.

Когда снег заметает море и скрип сосны
оставляет в воздухе след глубже, чем санный полоз,
до какой синевы могут дойти глаза?

до какой тишины
может упасть безучастный голос?

Пропадая без вести из виду, мир вовне
сводит счеты с лицом, как с заложником Мамелюка.
...так моллюск фосфоресцирует на океанском дне,
так молчанье в себя вбирает всю скорость звука,
так довольно спички, чтобы разжечь плиту,
так стенные часы, сердцебиенью вторя,
остановившись по эту, продолжают идти по ту
сторону моря.

1975

И всегда за спиной, как отбросив костяшки, рука
то ли машет вослед, в направленьи растраченных
денег,
то ли вслух громоздит зашвырнувшую вас в облака
из-под пальцев аккордом брнчающую сумму
ступенек.

Но чем ближе к звезде, тем все меньше перил;
у квартир —
вид неправильных туч, зараженных квадратностью,
тюлем,
и версте, чью спираль граммофон до конца раскрутил,
лучше броситься под ноги взапуски замершим
стульям.

III

Разрастаясь, как мысль облаков о себе в синеве,
время жизни, стремясь отделиться от времени
смерти,
обращается к звуку, к его серебру в соловье,
центробежной иглой разгоняя масштаб круговерти.

Так творятся миры, ибо радиус, подвиги чьи
в захолустных садах созерцаемы выцветшей осью,
руку бросившим пальцем на слух подбирает ключи
к бытию вне себя, в просторечьи — к его безголосью.

Так лучи подбирают пространство; так пальцы
слепца
неспособны отдернуть себя, слыша крик
«Осторожней!».

Освещенная вещь обрастает чертами лица.
Чем пластинка черней, тем ее доиграть невозможней. 23

Бродский И.

Б 88 Урания. Пейзаж с наводнением : стихотворения / Иосиф Бродский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 496 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-20729-5

Поэтические сборники Иосифа Бродского «Остановка в пустыне», «Конец прекрасной эпохи», «Часть речи», «Новые стансы к Августе», «Урания» и «Пейзаж с наводнением» долгое время оставались недоступны русским читателям, если не считать «самиздата». В 1970–1990-е годы эти книги опубликовало американское издательство «Ардис». Бродский с благодарностью писал о том, что Карлу Профферу, одному из основателей «Ардиса», удалось сохранить непрерывность развития русской литературы и ее высокое значение, спасти многих русских писателей и поэтов от забвения.

Сборник «Урания», впервые опубликованный в 1987 году, включает стихотворения 1970–1980-х годов. «Пейзаж с наводнением», последний поэтический сборник Иосифа Бродского, был издан в 1996 году уже после его смерти; в книгу вошли стихотворения 1980–1990-х годов.

В настоящем издании печатаются такие известные произведения, как «Осенний крик ястреба», «Посвящается стулу», «Римские элегии», «Рождественская звезда», «Вид с холма» и другие.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-5

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ИОСИФ БРОДСКИЙ
УРАНИЯ
ПЕЙЗАЖ С НАВОДНЕНИЕМ

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Юлия Теплова,
Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.10.2024.
Формат издания 70 × 102 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 19,9. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12-14, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үйі, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

A-PTR-29633-03-R